

Цанчжоу. Белый Нефритовый Город.

Старший молодой господин Чэн Си только-только выбрался из Леса Десяти Тысяч Зверей, как дежуривший у входа в тайное царство бессмертный чиновник поспешил сообщить, что его ищет Великая госпожа.

— Сейчас, только переоденусь, — равнодушно обронил Чэн Си.

На нем по-прежнему красовалось ярко-алое одеяние, правда, изрядно потрепанное, словно после хорошей драки: рукав разорван, а у воротника налипло несколько клочков белой шерсти.

Чиновник встревожился:

— Старший молодой господин, неужели зверье в Лесу Десяти Тысяч Зверей опять разбушевалось?

— Так, мелкая стычка, — отозвался Чэн Си.

В ту же секунду чиновник заметил, как под пазухой у старшего молодого господина шевельнулся круглый бугорок. Из складок ткани угрожающе высунулся острый белый коготок, но Чэн Си небрежно щелкнул по нему пальцами и затолкал нарушителя обратно.

Чиновник открыл было рот, собираясь напомнить, что выносить тварей из Леса Десяти Тысяч Зверей строго запрещено, но встретился взглядом с Чэн Си и мгновенно передумал. Благоразумие взяло верх.

В холмистом Цанчжоу Обитель Облачного Слияния на Крайнем Востоке занимала роскошные благословенные земли. Среди бесчисленных горных хребтов возвышались семьдесят два пика, каждым из которых управлял собственный владыка, наставлявший своих учеников. Главная же резиденция Обители представляла собой целый город — Белый Нефритовый Город. Он граничил с Лесом Десяти Тысяч Зверей царства чудовищ и контролировал всех обретших разум духовных существ.

В отличие от затворнических Тройных Небес или скромной Обители Великого Единого, Белый Нефритовый Город поражал вызывающим великолепием. Пока другие школы обходились летающими кораблями, Обитель Облачного Слияния предпочитала запрягать в экипажи редких крылатых чудовищ.

Бессмертный чиновник, прибывший на белом журавле, собирался было пригласить Чэн Си разделить полет, но старший молодой господин лишь взмахнул духовным мечом, встал на лезвие и в мгновение ока растворился в вышине.

Чиновнику пришлось уныло плестись следом. Его старый журавль летел неторопливо и

тяжело. Провожая тоскливым взглядом растаявшую в небесах фигуру Чэн Си, чиновник с досады с силой дернул птицу за перья на шее, заставив бедного зверя жалобно вскрикнуть.

— Матушка звала меня? — ровно спросил Чэн Си, едва переступив порог покоев.

В ту же секунду у его ног с дребезгом разлетелась фарфоровая пиала. Осколки брызнули во все стороны, заливая темным чаем дорогие ковры.

— Почему ты не отправил к нему слуг?! — раздался резкий, срывающийся женский голос.

Хозяйка покоев предстала перед ним во всем великолепии: тяжелый пурпурный шелк ее платья волочился по полу, точно шлейф павлиньего хвоста. Она была поразительно красива, но в идеальных чертах лица и лихорадочном блеске глаз сквозило пугающее, безумное неистовство.

Великая госпожа Шэнь Юй гневно нависла над сыном. Чэн Си стоял перед ней с поистине непрошибаемым спокойствием.

— Верно, — ровно отозвался он. — Я не только не послал к нему людей, но и отослал назад тех, кого отправили вы.

— То есть все эти годы ты водил меня за нос?! — вскричала она, и в ее голосе зазвенели истеричные нотки. — Ты же знаешь, как слаб Сяо Мэй! Как он выживет без верных слуг?! Сейчас в Линчжоу творится безумие! Что, если с ним что-то случится? Он ведь такой беззащитный, если его хоть пальцем тронут...

— Сегодня декан Академии прислал мне весточку: Сяо Мэй жив и здоров, с ним все в порядке, — Чэн Си даже бровью не повел. — Матушка, у брата есть голова на плечах. Вы не сможете оберегать его вечно. Рано или поздно придется позволить ему жить собственной жизнью. В Линчжоу он завел друзей и чувствует себя прекрасно.

— Друзья?! Да какой от них прок! Вонзят нож в спину — и не поморщатся! — женщина сорвалась с места, подлетая к сыну, и резко замахнулась...

Однако рука бессильно опустилась. Натолкнувшись на ледяной, безучастный взгляд Чэн Си, она сникла. Женщина всматривалась в лицо старшего сына, и в ее глазах, разрез которых в точности повторял форму глаз Чэн Си, заплескалась безмерная тоска.

— Я так соскучилась по нему, Си-эр... Верни мне Сяо Мэя. Мы не виделись три года. Он ведь, наверное, совсем вырос?

Она приложила ладонь к плечу Чэн Си, словно пытаясь угадать рост младшего, и на ее бледном лице проступила болезненная мольба:

— Твоя мать не может выйти за пределы Белого Нефритового Города... Я просто хочу обнять Сяо Мэя, больше мне ничего не нужно...

Глядя на бьющуюся в тисках безумия мать, Чэн Си опустил глаза и мягко придержал ее за плечи:

— Матушка, у вас опять приступ.

Она не услышала его. Лишь покачнулись драгоценные шпильки в высокой прическе. Женщина безвольно опустилась на сиденье у окна, глядя перед собой остекленевшим, полным невыразимой скорби взором.

— Сяо Мэй... — прошептала она.

Чэн Си молча постоял у окна, перевел взгляд на угасающую мать, а затем развернулся и вышел.

На пороге его безмолвно ждала служанка в белоснежном платье с дымящейся чашей лекарства в руках.

Чэн Си бросил быстрый взгляд на темный отвар.

— Неси матушке.

— Слушаюсь, — тихо ответила девушка и скользнула в двери.

Остановившись на террасе, Чэн Си устремил взор вдаль, где в рассветной сизой дымке ученики Обители выстроились на утренние занятия. Сзади послышался очередной звон разбитого фарфора, а вслед за ним — пронзительный, полный отчаяния женский визг.

Он стоял неподвижно очень долго. Настолько, что из его рукава успела высунуться любопытная пушистая мордочка белого хорька.

— Из-за тебя этот царь уже потерял целый час драгоценного времени, — раздался недовольный писк.

— Угу, — Чэн Си бесцеремонно впихнул круглую мордочку обратно. — Будь добр, потерпи еще часок.

Вызвав старшего распорядителя, Чэн Си быстро набросал письмо и велел отправить в Линчжоу отряд сопровождения.

— Привезите Сяо Мэя назад, — распорядился он. — После состязаний в Академии Духовной Горы у него будет двухмесячный отдых. Пусть побудет с матерью, ей это пойдет на пользу.

Чэн Си возвращался в Академию тайком.

Но у самого входа умудрился натолкнуться на ректора. Седобородый старик с преувеличенной суровостью оглядел его с ног до головы и, лишь убедившись, что на воспитаннике нет ни царапины, наконец шумно выдохнул.

— Небеса уберегли! — старик до сих пор не мог прийти в себя от пережитого ужаса. — Какое счастье, что тебя затянуло в пространственную расщелину! Свалился бы ты в Духовную Бездну — мне пришлось бы составить тебе компанию на том свете!

Чэн Си, разумеется, благоразумно промолчал о том, что действительно совершил полет на самое дно Духовной Бездны. Он лишь послушно поддакивал, списывая все на невероятное везение и вовремя подвернувшуюся щель в пространстве. Ректор, знатно перепуганный происшествием, на удивление не стал читать нотаций. Еще раз придирчиво осмотрев парня, он отпустил его отдыхать.

Жун Ин с остальной компанией просочились следом за ним.

Поскольку Е Хуайань и его товарищи числились в Обители Великого Единого, их самовольный побег на поиски Чэн Си едва не свел старейшин в могилу. Е Хуайань честно признался: покажись они сейчас на глаза наставникам, те с них три шкуры спустят. Решив переждать бурю, беглецы без зазрения совести оккупировали комнату Чэн Си, намереваясь спать на полу. Все равно состязания продолжались; если они покажут достойные результаты на арене, старейшины сменят гнев на милость.

Так сонная и мирная обитель бессмертного лекаря наполнилась небывалым шумом. Благо Янь Цингуан отличался редким благодушием. Увидев, что Чэн Си невредим, он лишь облегченно улыбнулся и не стал ворчать из-за того, что в соседней комнате внезапно обосновалась целая орава.

Крошечный огород Чэн Си тоже пребывал в образцовом порядке — Янь Цингуан явно заглядывал туда полить всходы, так что за две недели отсутствия хозяина арбузы раздулись чуть ли не вдвое.

Всего созрело три крупных плода. Два из них Чэн Си сорвал в тот же вечер. Сочную дольку он отнес соседу-лекарю, а остальное поделил между проголодавшимися товарищами.

Теплым летним вечером они уселись рядком на каменных ступенях, с хрустом уплетая сладкую

мякоть.

Сорт, который Чэн Си терпеливо выводил целых три года, заслужил всеобщее признание. Парни старательно выковыривали семечки в ладони, планируя вырастить такое же чудо у себя на родине.

Чэн Си со знанием дела рассуждал о пикировке и прививке побегов, а грозные истребители демонов слушали его, разинув рты. Спустя время к компании присоединился соседский рыжий котяра — он истосковался по Чэн Си, а потому бесцеремонно взгромоздился к нему на колени и принялся мерно покачивать хвостом.

В конце концов семечки были аккуратно подсушены и распределены по бумажным кулечкам.

Однако идиллия закончилась, стоило зайти разговору о ночлеге. На шесть человек имелось всего две комнаты. Спор о том, кто займет постели, а кому достанется жесткий пол, превратился в настоящее тактическое противостояние. В итоге, решив, что уступить никто не намерен, все дружно улеглись на полу.

Посреди ночи Жун Ин проснулся от бесцеремонного пинка в бок и мгновенно познал всю глубину отчаяния. Поднявшись, он с тоской оглядел спящих: даже во сне мечники умудрились отрабатывать выпады, нещадно пиная друг друга.

Е Хуайань, со своей патологической брезгливостью, наотрез отказался ложиться на пол. Он приспособил два табурета и застыл на них в позе созерцания, однако усердия явно не хватило — юноша крепко спал, то и дело роняя голову на грудь.

Слабому здоровьем Чэн Си выделили кровать. Жун Ин скользнул взглядом по постели и, как и следовало ожидать, обнаружил там Ли Цзина. Этот проныра ухитрился переползти с пола на перину и теперь счастливо спал, собственнически прижимая Чэн Си к себе со спины.

Жун Ин сжал кулаки. Ему безумно захотелось стащить этого наглеца за шкуру и хорошенько встряхнуть.

Впрочем, он сдержал порыв. Присев на край постели, Жун Ин почувствовал, как тяжелеет голова от нахлынувших мыслей.

С момента его перерождения прошло три года. В прошлой жизни к этому времени он уже лишился духовных костей. Прикованный к постели подле наставника, он не мог даже рукоять меча удержать, а сон его прерывался жестокой болью от извлечения костей. Когда мучения становились невыносимыми, он часами смотрел на луну — холодную, безупречно белую. Изливающийся на пол призрачный свет казался ему единственным лекарством, способным унять терзающую тело боль.

В этой же жизни... он поймал себя на мысли, что больше не ищет глазами луну.

Его мир заполнили иные заботы: тренировки, оттачивание мастерства, сложные построения, спасение невинных... и друзья.

Никогда прежде вокруг него не было так шумно и тепло.

— И на что мы смотрим? — раздался тихий, невыносимо раздражающий шепот Ли Цзина. — Только не говори, что решил к нам пристроиться.

С этими словами он предостерегающе приобнял Чэн Си и аккуратно перекатил его на другой бок, укладывая ближе к стене. Тот, привыкший к подобной бесцеремонности, лишь сонно заворочался и уткнулся носом в подушку, так и не проснувшись.

Жун Ин молча созерцал эту картину.

— Не ровняй меня по себе, — процедил он сквозь зубы. — Думаешь, здесь все разделяют твои наклонности?

Лежащий у их ног Бай Хэншэн вдруг завозился, перевернулся на бок и невнятно пробормотал во сне:

— Обрезанные рукава... хм-м... развелось же вас...

Жун Ин: «...»

Ли Цзин: «...»

Переглянувшись, они молча накинули халаты и выскользнули во двор.

— Кто ты такой на самом деле? — Жун Ин вперил в собеседника ледяной взгляд. — Если память мне не изменяет, мы виделись еще три года назад в городе Северного Солнца. Но тогда ты выглядел совсем иначе. Пользовался ложным телом?

— Верно, — Ли Цзин даже не смутился. — Ложное тело. Но с какой стати я должен открывать тебе свое настоящее имя?

— Прячешь лицо, темнишь... Явно замышляешь недоброе!

Ли Цзин хмыкнул:

— Ну, насчет внешности ты загнул, я парень хоть куда. А вот касательно Чэн Си ты прав — у меня на него самые что ни на есть корыстные планы. И что ты мне сделаешь? Он спас меня, я охранял его три года и намерен оставаться рядом, пока он наконец не поймет моих чувств... Впрочем, как я погляжу, ты и сам не прочь подобраться к нему поближе? Уж очень он тебе небезразличен.

— Он мой друг, — сухо отрезал Жун Ин. — У меня мало друзей.

— О, просто друг? — Ли Цзин ядовито улыбнулся. — Тогда чего ты так дергаешься?

— Обычная забота.

— К тому же посланники из Обители Облачного Слияния уже прибыли в Линчжоу. Через три дня Чэн Си уедет в Цанчжоу, — Жун Ин присел за каменный стол, переводя разговор в иное русло. — Ты всего лишь скромный ученик Академии Духовной Горы, в земли Обители тебе путь заказан. Как долго ты сможешь следовать за ним? Даже если просочишься туда, что ты будешь делать через шесть лет? Когда действие снадобий прекратится и его тело начнет отказывать, как ты собираешься спасти его? Ты действительно любишь его? Или он для тебя — просто красивая, хрупкая игрушка, которую приятно ласкать перед сном?

— Не пытайся меня задеть, — процедил Ли Цзин, и в его голосе прорезались ледяные нотки.

Жун Ин смерил его презрительным взглядом. Этот тип раздражал его до невозможности — буквально всем, от манер до голоса.

Ли Цзин платил ему той же монетой: присутствие Жун Ина кололо глаза, вызывая глухое бешенство.

Когда взаимное раздражение достигло критической точки, оба одновременно сделали глубокий вдох.

— Разомнемся?

— Давай!

Той ночью под ясным звездным небом двое безумцев до самого рассвета увлеченно мутузили друг друга голыми кулаками.

Когда наутро посланники Обители Облачного Слияния прибыли за своим господином, перед ними предстала живописная картина: на полу вповалку дрыхли утомленные вчерашним днем юноши, на пороге молча сидели два забияки с роскошными фингалами, буравя друг друга взглядами, а сам Третий молодой господин безмятежно почивал на кровати.

Прибывшие онемели: «...»

Зрелище было столь живописным, что они всерьез засомневались, выживут ли после увиденного.

Катранные ночные бойцы не выказали агрессии. Высокий молча указал прибывшим на боковой дворик, а тот, что пониже, бесцеремонно направился в комнату и безжалостно растолкал спящих.

Расталкивал он их от души, так что тихий лечебный покой тут же огласился утренним воем.

Едва встав, Чэн Си сначала лишился дара речи при виде заплывшего глаза Жун Ина, а затем окончательно растерялся, обнаружив полный двор посторонних людей. Он с тревогой спросил друга:

— Жун Ин, что с тобой стряслось?

Тот с самым угрюмым видом уселся на стул и пробурчал:

— На стену наткнулся.

Чэн Си недоверчиво прищурился:

— И стена ударила тебя точно в глаз?

— Именно так, — не моргнув глазом, подтвердил Жун Ин.

Чэн Си лишь вздохнул. Ладно, раз уж ты у нас главный герой, тебе и карты в руки.

А вот Ли Цзин во дворе выглядел на удивление бодрым, сияя как начищенный медный таз. Он увлеченно инструктировал прибывших слуг Обители, подробно расписывая, сколько ложек отвара выпивает Чэн Си, какими сладостями его нужно заедать и какие капризы у него появились за время учебы. Прибывшие ловили каждое слово, боясь упустить хоть деталь. Ведь их Третий молодой господин славился скверным нравом и был настолько привередлив, что ему и дюжина слуг угодить не могла. Однако в рассказах этого бойкого юноши он представлял совершенно иным человеком.

Стоило Чэн Си показаться на пороге с растрепанными волосами, как этот наглец тут же привычным жестом подал ему воду для умывания, а затем принялся бережно распутывать его пряди гребнем. И строптивый Третий молодой господин послушно сидел на каменной скамье, углубившись в чтение письма.

Вскоре Ли Цзин принес дымящуюся пиалу, поставил рядом и скомандовал:

— Пей давай.

И Чэн Си послушно осушил чашу.

Наблюдавшие за этой сценой слуги Обители синхронно ахнули.

Сам выпил горькое зелье! Без уговоров и угроз!

Неужели Третий молодой господин наконец повзрослел, или им просто повстречался настоящий чародей?

Чэн Си не обращал внимания на потрясенные лица слуг. Он развернул послание от старшего брата. Тот коротко делился новостями Обители, справлялся о его делах в Линчжоу и упоминал, что матушка опять слегла от недуга и очень ждет встречи.

Подобные письма приходили из дома регулярно, и старший брат неизменно передавал их с оказией. Однако на сей раз в тексте крылось важное отличие: впервые за все время брат настойчиво просил его вернуться.

Покопавшись в чужих воспоминаниях, Чэн Си пришел к выводу, что братья никогда не были близки. Старшего с малых лет забрал к себе глава секты, отправляя в дальние странствия. Когда Чэн Си только появился на свет, его брат учился на чужбине, а когда Чэн Си подрос, тот уже вовсю гремел на Поднебесную под именем Владыки Проявленного Света.

За всю недолгую жизнь прежнего владельца тела они виделись от силы раз десять. И хотя старший брат по первому зову исполнял любой каприз младшего, в этом сквозило скорее исполнение долга, нежели искреннее родственное тепло. Потакание капризам без капли душевной близости, обычная дань приличиям.

Единственным человеком в Обители, к кому прежний Чэн Си испытывал сильную привязанность, была Великая госпожа. Родная мать занимала львиную долю его воспоминаний: ослепительно красивая, нежная к сыну, но невероятно жестокая и безумная в своем стремлении защитить его от всего мира.

В памяти всплыл эпизод, когда избалованный Чэн Си в порыве ярости пырнул ножом своего несчастного второго брата Чэн Юня. В ответ на это Великая госпожа велела окунуть провинившегося Чэн Юня в воду и едва не заставила его истечь кровью. Не вмешайся тогда вовремя глава секты Чэн Вэй, второго брата давно бы черви прибрали.

Чэн Си откровенно страшился возвращения в семью. Мало того, что над всем этим благородным семейством висел зловещий рок скорого краха, так еще и перспектива общения с

родней не предвещала ничего хорошего.

Он ведь был лишь самозванцем и не умел изображать прежнего капризного барчука. Близкие люди мгновенно почуют подвох. С братьями Чэн Си и Чэн Юнем, видевшими его мельком, проблем возникнуть не должно, но вот обмануть безумное материнское сердце вряд ли удастся. Жун Ин предупреждал его: стоит допустить хоть малейшую промашку, и матушка со своим буйным норовом собственноручно обеспечит ему место на погосте.

Но и не ехать нельзя. Слишком много глаз следило за каждым его шагом, и достойного повода для отказа просто не существовало. Оставалось лишь импровизировать по ходу дела и уповать на свои актерские способности.

Недавний мятеж наделал много шума и унес немало жизней, но Академия быстро оправилась от потрясения. Великое состязание бессмертных сект возобновилось, хотя Чэн Си окончательно потерял к нему всякий интерес. Пока слуги паковали его вещи, он просиживал дни на трибунах вместе с Ли Цзином, наблюдая за выступлениями Жун Ина.

Последние восемь поединков должны были пройти за два дня, аккуратно перед отъездом Чэн Си на третий день.

На страницах «Яшмовой таблички долгих писем» молодые мечники исходили слезами, проклиная немисливо сильных соперников. Особой ненависти удостоился Безымянный Гость — в последних боях он дрался с пугающей свирепостью, буквально втапывая оппонентов в грязь.

Чэн Си читал их жалобы с тихой ухмылкой.

Перед дорогой он перебрал содержимое своего пространственного кольца, разделил полезные мелочи на несколько десятков кучек и раздарил их ребятишкам из Класа Созвездия.

Спустя три года их бессменный «старший брат Чэн Си» наконец-то покидал Академию. Но уходил он насовсем, возвращаясь в родные пенаты. Малышня решила, будто он разуверился в возможности прорыва и решил вернуться к мирской жизни, дабы унаследовать семейное дело. Расчувствовавшись, ребятня мертвой хваткой вцепилась в его полы, оглашая окрестности горестным ревом.

Для бессмертных время течет иначе, а тот, кто не сумел заложить духовную основу, обречен на краткий человеческий век. Дети искренне верили, что видят его в последний раз, так что прощание напоминало проводы в последний путь.

Чэн Си, чей халат за пару минут успели превратить в мокрую тряпку, не знал, смеяться ему

или плакать. Пришлось пустить в ход припасенные сладости и надавать кучу обещаний обязательно вернуться в гости. Только после этого хватка юных адептов ослабла.

В финальный день состязаний Жун Ин сошелся лицом к лицу с Шэнь Синхэ. Впервые за весь турнир Безымянный Гость обнажил клинок, подарив зрителям захватывающее зрелище.

Никаких заклинаний и магии — чистый, безупречный бой на мечах, точь-в-точь как в ту памятную ночь в городе Северного Солнца три года назад. Тогда Шэнь Синхэ был лишь амбициозным новичком, но за прошедшие годы его мастерство отточилось до совершенства.

Чэн Си на трибунах всю подбадривал бойцов вместе с визжащими от восторга ученицами, любуясь, как черная и красная фигуры сливаются на арене в стремительном танце. Жун Ин все же оказался неуловимо быстрее: короткий росчерк стали — и холодное острие замерло у самого кадыка Шэнь Синхэ. То была безупречно исполненная техника «Тень Летящего Лебедя».

Маска скрывала лицо победителя, но его величественный жест возвращения меча в ножны заставил трибуны взорваться овациями.

Ли Цзин, стоявший по правую руку от Чэн Си, лишь завистливо фыркнул.

Проводив взглядом ликующую толпу, Чэн Си повернулся к спутнику:

— Завтра я уезжаю. А ты куда направишься? Останешься в Линчжоу?

— Вернусь в Таньчжоу, — Ли Цзин заметно расслабился. — Надо развивать школу, воспитывать учеников. Мы ведь договорились, что как-нибудь я обязательно заберу тебя погостить в Секту Вопросания Снега. Помнишь?

Чэн Си шутливо приподнял бровь.

Ли Цзин лениво потянулся и по-хозяйски закинул руку ему на плечи:

— Мой орден беден, а прокормить такого изнеженного молодого барина — дело затратное. Придется возвращаться и зарабатывать золото.

Он скосил на него хитрый взгляд:

— Что, неводишь с меня глаз? Так не хочется отпускать? Может, заберешь меня с собой в Обитель Облачного Слияния на полное довольствие?

Чэн Си пристально посмотрел на него:

— А можно?

Ли Цзин строил картинно-задумчивую мину:

— Ну, в теории это выполнимо. Но лезть в это змеиное гнездо... забесплатно я не согласен. Требую достойную награду.

<http://bllate.org/book/18408/1799602>